

Аччьяйоли были горячими приверженцами Медичи. Поэтому герцог афинский нашел, вероятно, радушный прием у Козимо; здесь он мог слышать, что этот банкирский дом собирается стать властелином Флоренции, между тем как в далекой Греции было величие Аччьяйоли было уже накануне гибели.

Нерио II, кажется, возвратился в Афины в том же 1441 году после смерти своего брата. Таким образом, он не пошел по стопам Отто де ла Роша, основателя франкского герцогства Афины, или Шамплитта, основателя княжества Ахайского, которые греческим владениям предпочли свои скромные имения на родине. Едва ли где-либо проявилось яснее, какое волшебное действие оказывает всякая власть на людей, чем в тогдашней Греции. Среди безнадежно гибнущих государств, под грозно сверкающими мечами янычар, франкские и византийские династы цеплялись за последние лоскутки своей былой силы. Близкие родственники, даже братья, как напр., братья императора Иоанна VIII, вели из-за них ожесточенную борьбу. Они напоминали об известных словах греческого куртизана Гелорида, который некогда заставил тирана Дионисия не отрекаться от престола, так как пурпур — лучший саван¹.

В качестве турецкого вассала Нерио II удалось закончить свое правление без роковой катастрофы. В 1447 году мы встречаем его в Акрополе рядом с его гостем, Кириаком из Анконы, первым франком, который посмотрел на Афины взглядом историка и незадолго до прекращения их политической связи с Италией и Европой ввел мир афинских развалин в область западной науки. В истории города Афин он занимает поэтому почетное место.

---

¹ В противоположность этому современная история может указать на отречение Милана, короля Сербии, возродившейся в скромных размерах монархии Душана.